

© 1992 г.

А.В. ДМИТРИЕВ

О СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ И КОНФЛИКТЕ

ДМИТРИЕВ Анатолий Васильевич — доктор философских наук, главный редактор журнала «Социологические исследования».

Нынешнее обострение социально-политических и межнациональных отношений, резкое ухудшение материального положения населения — лишь внешние проявления общего жесточайшего кризиса, в котором оказались все новые независимые государства.

Причины переживаемого упадка разнообразны. Часть из них нашла отражение в многочисленных научных публикациях, в том числе и в нашем журнале. Все ранее проходившие «перестройки» и «реорганизации» экономических и политических институтов не смогли приостановить скатывание страны к кризису, ибо не затрагивали существенных факторов, назревших противоречий. На наш взгляд, суть проблемы заключается в том, что бывший СССР, как и другие страны Центральной и Восточной Европы, находятся в процессе перехода к постиндустриальному обществу. Этот естественный с исторической точки зрения перелом оказался для нас особенно болезненным из-за неразвитости и постоянного подавления рыночных отношений, соответствующих им хозяйственных структур. В такой ситуации сначала дали о себе знать дефициты, вызванные расточительным использованием ресурсов, затем усилилось региональное неравенство и, наконец, возникли этнические, политические и социальные конфликты.

На тенденциях к обострению этих конфликтов на рубеже 80—90-х годов сказались перемены в политической системе (поверхностный фактор), а также изменения в ценностных ориентациях (глубинный фактор). Каждая сфера общественной жизни при этом имела некую внутреннюю логику собственных изменений. Так, национальные отношения столь сложны и противоречивы, что однозначно оценить взаимодействие центростремительных и центробежных тенденций вряд ли сейчас возможно. Но очевидно — дезинтеграция еще недавно казавшейся незыблемой целостности продолжается.

Игнорирование того неопровержимого факта, что обладание и защита определенной территории от посягательств извне является одним из основных интересов человека, имело по сути дела роковые последствия. «Территориальный» фактор (наряду с национальным) стал одним из тех императивов, которые обусловили обострение внутренних (а не только внешних) столкновений.

В отличие от западных стран, симптомы всеобщего конфликта у нас нарастают скачкообразно. Причина такой особенности заключается в ослаблении социального контроля. Следует признать, что сейчас по-прежнему нет условий для преодоления продолжающегося распада, хотя судорожные попытки приостановить его очевидны (укрепление исполнительной власти, создание больших групп собственников, образование «политического поля» для различных организаций и др.).

Функционирование рыночной экономики, этого основного интеграционного механизма в условиях стран Запада, у нас еще только начинается. По-видимому, восстановление и развитие экономики, т.е. то, на что направлен формируемый рынок, станет реальностью лишь через несколько лет. Тем самым будет найдена основа для интеграции российского общества. Но это лишь основа. Она не приведет обязательно и сразу к социальной интеграции. Напротив, при форсированном переходе, не учитывающем менталитет российского населения, возможен взрыв, хаос и, как следствие, отход от поставленных целей. Представляется наиболее перспективным процесс изменения нравственных норм и традиций. Однако быстрый крах нынешней системы норм привел к тому, что образовавшийся вакуум заполняется реанимированными, но далеко не оптимальными (с социальной точки зрения) элементами. Так, коммунистическая идеология заменяется примитивно религиозной, принудительно насаждаемые этические нормы — отсутствием любой морали, навязываемый интернационализм — эгоистическим национальным сознанием.

Кроме того, рынок, который рассматривается в качестве единственной панацеи от распада, может действовать, разумеется, при определенных условиях и противоположным образом: разрушать многие существующие интеграционные механизмы, и так уже достаточно ослабленные. Тогда полное неверие и цинизм могут прийти на смену чувству сплоченности, возникнет и усилится ненависть к богатым, пренебрежение и даже презрение к бедным. Саморазрушающееся сознание безработного станет важным элементом общественной жизни; отсутствие занятости превратится в устойчивую угрозу для большинства населения страны. Теряющие почву под ногами люди будут пополнять ряды преступников, наркоманов и алкоголиков, самоубийц.

Сказанное не означает попытки поставить под сомнение интеграционный потенциал рынка. Речь идет о необходимости серьезной и длительной подготовки к последствиям коренной экономической реформы, смягчении наиболее болезненных способов ее осуществления.

Насколько быстро общество преодолет сложившиеся стереотипы сознания, покажет ближайшее будущее. Во всяком случае внутренние и внешние цели общества отныне должны формироваться не в терминах классового конфликта, а в терминах согласия, развития демократии, общечеловеческих ценностей.

Из числа субъективных факторов, стимулирующих конфликт на нынешнем этапе кризиса, можно выделить такие, как спонтанное и нерегулируемое использование властями силы, что увеличивает потенциал конфликта и приводит к эксцессам, отсутствие опыта в выработке процедур переговоров. Все это усиливает стихийность развития и, как следствие, его непредсказуемость и риск патологии.

Доминирующая ныне бесконфликтная модель развития сделала руководство практически беспомощным перед кризисом. Во всяком случае сказалось и отсутствие соответствующего опыта, и неразработанность самой теории конфликта. Неясным до сих пор остается и соотношение в дихотомии «конфликт — согласие». Хотя заметим, что теоретические взгляды, по которым общество должно упорядочивать жизнь населения через согласие, сложились давно. Их корни прослеживаются у Платона, Руссо, Канта. Среди социологов можно отметить Дюркгейма (полагавшего, в частности, что основные функции разделения труда — поддержание социальной солидарности), Парсонса, считавшего социальную систему стройной, если есть соглашение о поведении каждого из актеров. Здесь, как известно, акцент сделан на нормативные элементы в социальном действии, и это приводит к функциональному взгляду, по которому каждая система действий предназначена для поддержания социальной системы в целом.

Социологи, разделяющие эту позицию, склонны рассматривать конфликт как нежелательное явление, разрушающее (или нарушающее) нормальное функционирование социальной системы. Поскольку конфликт не присущ системе изначально, он обычно проходит вместе с появлением силы, возвращающей ее в состояние

баланса и стабильности. Таким образом, каждый из конфликтов для их разрешения и поддержания стабильности системы рождает и усиливает необходимость в социальных институтах. Это — и законы, и принятые процедуры для улаживания трудовых споров, и законодательные собрания, где партийные конфликты решаются в войне слов, т.е. в дебатах и дискуссиях, и рынок, где интересы между покупателями и продавцами согласовываются посредством сделок и т.д.

Другая основная традиция в социологии рассматривает конфликт не как нечто ненормальное и преходящее, но как закономерное и даже необходимое явление. Она также довольно стара и прослеживается у Аристотеля, Гоббса, Гегеля, Маркса. Сравнительно недавно ее элементы включили в свои учения немецкий социолог Дарендорф и англичанин Локвуд. В соответствии с точкой зрения последних, наличие дефицита уже само по себе достаточно, чтобы вызвать конфликт: каждый человек в любой группе пытается увеличить свою долю дефицитных ресурсов, в том числе и за счет других людей. Среди дефицита мы обнаружим борьбу за лидерство, власть и престиж. Поскольку этот дефицит постоянен, то и конфликт из-за обладания им неизбежен.

И здесь нет похожести на конфликт интересов владения материальными благами, который может быть сглажен ситуацией, когда их дефицит со временем уменышается, а круг их владельцев и доля каждого из них увеличивается.

Конфликты имеют много форм, видов. Само понятие используется социологами довольно естественно, широко, оно включает в себя дебаты, сделки, соперничество и контролируемые сражения, равно как и прямое насилие. Некоторые исследователи вообще видят в принуждении источник порядка. Конфликт также открыто ассоциируется с изменением: если не устраивает баланс сил, то этот баланс должен быть изменен.

Были попытки преодолеть различие в подходах к анализу конфликтов, однако исследовательские проблемы, связанные с оценкой изменений внутри системы, по-прежнему ждут своего решения.

Исследование проблем конфликта и согласия требует фундаментальных усилий ученых различных специальностей. Нового осмысления достойны и работы современных западных ученых. Здесь возможны гносеологические и методологические трудности, поскольку механическое соединение традиции марксизма и западной «конфликтологии» вряд ли осуществимо в классическом виде. Но и при обогащении различными взглядами теория конфликта (это произойдет через определенный промежуток времени) и проведение эмпирических исследований (они уже начались) не защищены от новых издержек. Нынешний конфликтный «социум» прямо воздействует на исследователя, который рискует быть вовлеченным в события, лишившись бесстрастной позиции. Хотя, конечно, этот вопрос значим и в относительно спокойные периоды развития, когда, к примеру, официальные и академические круги склонны видеть в любой оппозиционности попытку «подрыва» общественного согласия.

В марксизме объяснение природы общественных конфликтов имеет давнюю традицию, ориентирующую на необходимость анализа противоречия интересов. Этот конфликт встречается наиболее часто. В нынешней ситуации он выражается в групповой борьбе за изменение принципа и критериев распределения ресурсов. Этот общий интерес часто не идентифицируется с материальными интересами, он может вырастать из религиозных, культурных, профессиональных устремлений. Повидимому, детальный анализ структуры интересов, особенно классовых, групповых и национальных, может существенно прояснить картину социальной напряженности в стране.

Для читателя, на наш взгляд, представляет интерес работа коллектива под руководством Н.И. Лапина. Подход исследователей был тесно связан с понятием интереса, что вполне укладывается в социологическую традицию.

Авторы исходили из того, что одним из проявлений общего кризиса и дезинтеграции общества выступает **кризис ценностей**, позволяющих человеку осуществить

выбор своего поведения и составляющих одно из оснований целостности социальных систем. Примечательно, что в исследовании особое внимание уделено интегрирующим (универсальным) и дифференцирующим (партикуляристским) ценностям, для чего были сформированы два десятка альтернативных суждений, позволяющих получить данные о реальных ценностных ориентациях.

Результаты исследования убеждают, что наблюдающийся кризис ценностей означает не разрушение их как таковых, а качественное изменение их структуры: происходит переход от тотально-идеологизированной к плюралистско-человеческой структуре ценностей [1].

Вопреки распространенным представлениям об «одичании» людей, подавляющее большинство населения России сохраняет приверженность гуманистическим ценностям. «Повседневный гуманизм» выступает как универсальная ценностная макропозиция, интегрирующая поведение людей в самых массовых пластах жизни. Ее центр образует категория «спокойная совесть», с которой связаны такие высшие ценности, как добро, красота и правда; хорошие отношения в семье и с друзьями; интересная работа, свобода и др. Авторы исходили из посылки, что эти нормальные человеческие, общечеловеческие ценности представляют собой нравственную основу жизнестойкости народов России, предпосылку сохранения нашего общества.

Выявлены две обособляющие, дифференцирующие общество макропозиции: «потребительский конформизм» (центр ее составляет суждение — «Таким, какой я есть, меня сделали обстоятельства жизни») и «предприимчивый нонконформизм» («Главное — инициатива, предприимчивость»). Эти позиции принимаются населением. Но также обнаружены и активно отрицаемые: «властолюбивый эгоизм» (в центре — «Оказывать влияние на других, иметь власть») и «потребительский эгоизм» («Благополучие важнее свободы»). Они отрицаются большинством респондентов как противостоящие гуманизму. В сознании россиян власть предстает как альтернатива спокойной совести: власть несовместима со спокойной совестью — таков вердикт респондентов. Интересно, что отрицается и равенство доходов как ценность, в ее поддержку высказались менее 15%, а против—42%. Поскольку в отрицаемых позициях преобладают дифференцируемые ценности, то отрицание последних выполняет позитивную, интегрирующую функцию.

Авторы же столкнулись с особой сложностью проблемы социальных субъектов в кризисном социуме. Традиционный для советской социологии **социально-стратификационный** подход показывает, что активными социальными субъектами являются прежде всего группы квалифицированных рабочих, а также занятые тяжелым трудом и одновременно живущие в тяжелых бытовых условиях. Рядом с ними — потомственная гуманитарная интеллигенция. Горожане активнее жителей села, особенно горожане в первом поколении. Максимум социальной активности демонстрируют крестьяне в первом поколении. Оживились социальные функции, обусловленные профессионально-отраслевой, во многом корпоративной принадлежностью работников (шахтеров, транспортников, связистов, занятых материально-техническим снабжением и т.д.). И все же лишь часть проблем социальной активности получает объяснение путем прямого их сведения к положению таких социальных групп.

Ряд исследований указывает на перспективность именно этого социально-стратификационного подхода [2]. Особого внимания заслуживает проблема восстановления среднего слоя как массовой группы экономически активных граждан, без которых невозможно саморазвивающееся гражданское общество. Существует социальная база для формирования такого слоя, прежде всего специалистов с высшим и средним специальным образованием, ориентированная на работу в условиях рыночной экономики. Но возможности этого слоя пока мало востребованы.

Исследование подтвердило эффективность **историко-типологического подхода** к социальным субъектам. В условиях кризиса возрастает роль общественных факторов, особенно институциональных и культурных. В полном соответствии с

этим подходом авторы названного исследования считают, что для преодоления современного дезинтеграционного процесса в странах бывшего СССР необходимо выполнить ряд важнейших задач, наиболее значимыми из которых являются: выработка и установление четких правовых основ (включая и механизмы их принятия и реализации); переустройство политических институтов; создание устойчивых рыночных структур. Очевидно, что решение данных задач взаимосвязано: восстановление и укрепление государственности на основе утверждения в обществе верховенства закона, иерархической субординации законов и правопорядка становится в сложившейся ситуации условием социально-политического переустройства, социально-экономической стабилизации и проведения экономической реформы. Их разрыв ведет в тупик.

В центр функционирования и развития всех общественных институтов, как утверждают авторы, должен быть поставлен человек; его интересы должны иметь беспрекословный приоритет перед национальными и всеми другими интересами. Даже такой социальный институт, как институт демократии, не будет соответствовать своей подлинной сути, если послужит подавлению сознания и воли человека. Только та демократия является подлинной, которая предоставляет все условия для расцвета человеческой индивидуальности.

Институциональные и культурные общественные факторы осознаются в виде социально-исторических ориентиров как своего рода индикаторов исторических тенденций развития общества; эти ориентиры сопряжены с ценностями, но отличаются от них тем, что являются по своему конкретному содержанию прежде всего экономическими и политическими. На этой почве происходит пусть временная, но в данный момент действенная консолидация людей, имеющих различное объективное положение, и дифференциация людей со схожим положением. Возникают социально-исторические типы, выражающие особенности данного этапа развития общества как целого, процесс трансформации прежних социальных субъектов в новые.

В целом исследователи в своей работе пришли к выводу, что различные социальные группы и социально-исторические типы населения принимают разные социально-экономические условия, чему может соответствовать многоукладная или смешанная экономика, в которой равноправно функционируют и взаимодействуют три основные формы собственности: государственная, кооперативная, частная. При этом в каждой из них создается существенная доля национального дохода (от 25% до 40%), что исключает господство одной из них и позволяет каждому гражданину свободно выбирать любую.

На примере описанного исследовательского опыта мы обнаружили несомненный факт: мысль о целостности общества, его сплоченности занимает умы видных отечественных социологов. Два исследования и два различных методологических подхода к проблеме. Одно из них исходит из положения такой системности общества, при которой достаточно, если функционируют такие институты, как рынок или другие институты, соединяющие подсистемы или их отдельные элементы.

Очевидно, однако, что механизмы такой интеграции не могут заменить «нормальной» интеграции, осуществляемой «посредством норм и ценностей», которые должны основываться на определенном консенсусе, иначе обострившиеся конфликты поставят под угрозу само существование общества [3]. Этот подход, на наш взгляд, не только «социологичен» по форме, но и отражает всю сложность очередного переходного периода, потрясающего наш и без того больной общественный организм.

И еще одно обстоятельство заслуживает, на мой взгляд, внимания. Дезинтеграцию, сопровождаемую разного рода конфликтами, социологи, пожалуй, не откажутся поместить на шкалу основных человеческих ценностей в качестве отрицательной величины. Парадокс здесь заключается в том, что конфликты могут выполнять функцию поддержания социально-политической стабильности.

Действительно, если исходить из посылки, согласно которой столкновения,

основанные на тех или иных сходствах, как впрочем, и на расхождениях интересов, воспринимаются естественными и неизбежными, то тогда открыто проявляемые противоречия представляются достаточно полезными с точки зрения улучшения социальных отношений. «Вопрос состоит в том, чтобы управлять столкновениями, сводя к минимуму связанные с ними опасности, а не в том, чтобы отрицать связанный с ними опыт», — пишет Л.Крисберг, профессор Сиракузского университета [4]. Он считает, что подобное видение предполагает каждого конфликтующего участника не как врага, подлежащего устранению, а как партнера в переговорах.

Во всяком случае необходимы дополнительные исследования различных условий, благодаря которым действия, направленные на эскалацию или деэскалацию, становятся или не становятся плодотворными в деле улаживания конфликтов. Методы подхода, связанного с разрешением конфликта, требуют дополнительных знаний об обстоятельствах конфликта, а также возможных последствиях разрешения этого конфликта. Главное же, что характеризует, причем достаточно очевидно, социальные процессы последнего года, — это активная дезинтеграция сложившихся ранее социальных структур и связей, утрата прежней и поиск новой социальной идентификации на разных уровнях, от индивида до больших социальных общностей (отсюда и множество суверенитетов). Эта картина не зависит от выбора теоретической позиции, но вот основные события в обществе можно рассматривать с определенной точки зрения как процесс перехода от интеграции и дифференциации одного типа к интеграции и дифференциации другого типа [5].

* * *

На удивление многим отечественным социологам, уже привыкшим к ажиотажному спросу на зондаж общественного мнения, дальше этого дело не пошло. Правительству не понравились пессимистические оценки ситуации («крах»), а внутренние слабости самого социологического сообщества обесценили его рекомендации до такой степени, что пренебрежение им стало повсеместным.

Принципиально скептическое отношение ко всем претензиям на экспертизу в отклонениях между людьми вообще характерно для нашего общества и расстраиваться по этому случаю не стоит. К тому же люди отягощены историческим опытом — ведущие социологи нашего поколения столь же часто оказывались заидеологизированными, сколь редко правыми. Население не желает превращать себя в заложника экспертизы специалистов как в областях экономики, политики, так и социологии. Выход из сложившейся ситуации видится в объективной информации не только о различных, но и о противоположных точках зрения. В социологии ни один теоретик и ни один научный коллектив не имеет моральных прав на монополию в постижении истины. Но не должно быть и права обвинения авторов альтернативных проектов в принадлежности к путчистам, кагебистам и национал-патриотам.

Точно также: можно ли позволить с этической точки зрения самим экспертам принимать политические решения и проводить их в жизнь? С моей точки зрения, это нежелательно. Политический деятель, разумеется, может использовать те или иные научные рекомендации, но он должен быть ограничен и контролируем теми людьми, пусть неспециалистами, которые придерживаются других воззрений. Это азбука демократии, и чем скорее ее усвоят государственные деятели, политики (Е.Гайдар, А.Шохин, Г.Бурбулис), тем значительнее будет доверие не только к ним, но и к научному сообществу, что, по-видимому, более важно.

Наш журнал довольно часто обращается к материалам экспертов по возможным сценариям выхода страны из поразившего ее кризиса. Но ситуация в обществе и науке такова, что подобного рода материалы должны появляться не просто часто, а регулярно. Поэтому редакция считает необходимым открыть специальную рубрику. И начинаем мы ее с публикации двух докладов инициаторов создания

Всероссийского союза «Обновление». Этот союз, на мой взгляд, отличается от многих других партий и движений прежде всего тем, что открыто заявляет о своей социальной базе («союз ориентируется на профессиональных, компетентных и деловых людей»). Кроме того, он ставит своей основной задачей «осуществление глубоких демократических реформ с целью создания условий для прочного гражданского мира и общественного согласия, стабильной и социально ориентированной экономики» «Обновление» совместно с Народной партией «Свободная Россия», Демократической партией России создали центристский блок «Гражданский Союз». Шансы активно способствовать стабилизации общества у этого блока достаточно высоки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ценности социальных групп и кризис общества. М. 1991.
2. *Осипов Г. В.* Мифы уходящего времени // Социол. исслед. 1992. N 6,
3. Венгерский меридиан. 1990. N 2. С. 58.
4. *Крисберг Л.* Мировозрождение, мировосхранение и разрешение конфликтов // Социол. исслед. 1990, N 11, С. 32/
5. См. Коммунист. 1991. N 6. С. 59.